

XX $\frac{22}{22}$

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ОРГАН

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 2 (18)

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО
ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

МОСКВА—1933

II. ОБЗОРЫ И МАТЕРИАЛЫ

К вопросу об аграрных отношениях в афганском Каттагано-Бадахшане¹

I. Общие данные

Область Каттагано-Бадахшана расположена в северной части Афганистана; границей своей на севере она имеет линию от перевала Дарваза до караульного поста Бугри Куль в Кундузе и р. Аму-Дарью, на северо-востоке—пограничную линию, разделяющую Памир, на востоке—линию по перевалу Даран, на юге—линию от перевала Периан до перевала Хавак, на юго-востоке—округ Гори и, наконец, на западе—степь. Длина Каттагано-Бадахшана—около 239 курухов (курух—2 мили), ширина—35 курухов.

Бадахшан—сплошь горная страна, и лишь на границе с Каттаганом горы переходят в холмы. Поливных земель в Бадахшане менее, чем в Каттагане. Каттаган по сравнению с Бадахшаном более богат удобными для орошения землями.

Реки, протекающие в Каттагане,—Аму с притоками (Талекан, Бенги, Гори). Река Бадахшана—Кокча, которая потом сливается с Аму.

Афганистан географически делится весьма резко на северную и южную части. Северный Афганистан, примыкающий к нашим Среднеазиатским республикам, сравнительно мало приподнят над уровнем моря. Центр Каттагана—Ханабад—находится на высоте в 575 метров над уровнем моря.

В Северном Афганистане большие площади земель заняты под культурой пшеницы, ячменя, хлопка, риса. Имеются богатые горные пастбища для скота. В Северном Афганистане сосредоточены главные массивы неполивных земель страны. В том числе и в районе Файзабада в Бадахшане и в районе Ханабада в Каттагане есть свободные запасы земель, годных для обработки.

В частности в Каттагане производится хлопок. В основном же Каттаган—рисовая житница Афганистана.

Если взять обе провинции по нацсоставу, то Бадахшан населен таджиками, в Каттагане—узбеки, хезарейцы, афганские племена кандагары и др.

Такова общая краткая характеристика Каттагано-Бадахшана.

¹ Переработанная стенограмма доклада в НИАНКП.

II. О теории „районно-оазисного хозяйства“

Некоторые афгановеды полагают, что „экономический строй современного Афганистана можно характеризовать, как переходный период разложения замкнутого районно-оазисного хозяйства под напором новых денежных, а отчасти уже капиталистических отношений“ (И. М. Рейснер, „Афганистан“, изд. Ком. Академии 1930 г., стр. 33).

Эта теория, смазывающая в экономике страны преобладание пережитков феодализма, заимствована тов. Рейснером из гартмановской схемы „районно-оазисного хозяйства“ и заключается в признании своеобразного сочетания и взаимодействия на Востоке оседлого поливного земледелия и экстенсивного скотоводства. При этом „на определенной ступени экономического развития возникает более или менее интенсивный обмен между земледельческими и скотоводческими областями, причем в роли посредника выступает городской базар или рынок, обмен... довольно рано приобретает денежную форму, и таким образом районно-оазисное хозяйство нельзя назвать исключительно натуральным“ (ук. соч., стр. 34). Но это районно-оазисное хозяйство по тов. Рейснеру „допускает отношения обмена лишь в ограниченных рамках, все сводится лишь к перераспределению внутри определенного района, сохраняющего замкнутый неподвижный характер в отношении других частей страны“ (ук. соч., там же).

По т. Рейснеру эта теория была бы неплоха, если бы не страдала „двухсторонним схематизмом“, слишком широким охватом и потерей перспектив исторического развития.

„Открытие и падение торговых путей, захват власти торговым капиталом, восстания ремесленников и городской бедноты, различные стадии в феодальных отношениях дают громадное разнообразие динамических процессов, которые нельзя исчерпать голой схемой районно-оазисного хозяйства. Вполне очевидно, что само это хозяйство, подобно азиатскому способу производства (sic!—Г. И.), выдвинутому Марксом с основным ударением на Индию, прошло ряд стадий, прежде чем заостенеть в тех застойных формах, какие прежде всего объясняются общим упадком и Афганистана, и Персии, и Ср. Азии после победы морских путей над старой сухопутной магистралью индо-европейской торговли. С этими поправками теория районно-оазисного хозяйства может быть принята, как ценное орудие понимания афганской экономики последних двух столетий“ (ук. соч., стр. 34—35).

Тут прежде всего нужно заметить, что, конечно, марксизм никогда не отрицал значения эмпирически данных обстоятельств. Маркс говорил: „...один и тот же экономический базис—один и тот же со стороны главных условий—благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам,

естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств“ („Капитал“ т. III, книга 3, стр. 744, изд. Гиз 1931 г.).

Но за внешними эмпирическими данными необходимо искать существо явлений. Этого у тов. Рейснера нет.

В одном из высказываний Маркса о продуктовой ренте мы находим такое указание: „Благодаря тому, что эта форма, рента в продуктах, связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельскохозяйственной и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер, вследствие своей независимости от рынка, от изменения производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, — эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойного состояния общества, как это мы видим, например, в Азии (Маркс, „Капитал“, т. III, ч. II, стр. 332).

И Ленин указывал, что одним из показателей докапиталистических способов производства является известное повторение процесса производства в прежних размерах на прежнем основании. Сюда Ленин относил и барщинное хозяйство помещиков, и натуральное хозяйство крестьян, и ремесленное производство промышленников. „При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)“ (Ленин, 3 изд., т. III, стр. 39—40).

Что касается непосредственно Бадахшана, то тов. Рейснер подобные районы вообще исключает из своей „районно-оазисной“ схемы. Подобные районы, „отрезанные в продолжение многих столетий от общения с окружающим миром, должны быть исключены из общей системы отношений районно-оазисного хозяйства, как отдельные самодовлеющие единицы. Вовлечение их в общую экономическую жизнь страны зависит от направления торговых путей“. (Рейснер, ук. сочинен., стр. 35).

Однако известно, что „отрезанность“ Бадахшана не мешала ему установить довольно оживленные экономические связи с советским Таджикистаном.

III. О феодалах, крепостниках, чайрикерах и „независимом“ крестьянстве

Тов. Рейснер, переходя к описанию аграрных отношений Сев. Афганистана, отмечает, что „сев. афганистанский помещик гораздо ближе к крепостнику, чем к феодалу“ (ук. соч., стр., 49). Не говоря уже о противопоставлении феодала крепостнику в стиле тов. Дубровского, это положение обосновывается тов. Рейснером явно ошибочным „анализом“ аграрных отношений в Каттагано-Бадахшане.

Источником для тов. Рейснера послужила статья т. Монича в № 16—17 „Нового Востока“. Тов. Рейснер сам сообщает, что „для афганского Туркестана... мы пользуемся в полном смысле слова новейшими данными Монича“ (соч., стр. 48 ук.).

По тов. Рейснеру в ряды помещиков пошел „сравнительно новый слой купцов, чиновников, удачливых спекулянтов, обзаведшихся земельной собственностью“ (ук. соч., стр. 49—50). Возникает вопрос, как же хозяйствует этот „новый слой“, как он развивает производительные силы? Оказывается, что „хозяйства обычно сами не ведут, действуя через приказчиков и управляющих. Рост помещичьего землевладения не выразился ни улучшением техники сельского хозяйства, ни повышением его урожайности“ (ук. соч., стр. 50).

Таким образом противопоставленный феодалу крепостник, оказывается, нисколько не способствовал развитию производительных сил, поднятию сельского хозяйства на более высокий технический уровень. У тов. Рейснера противопоставление феодалу крепостника обосновывается совершенно иным образом, именно бегством так называемого независимого крестьянина под „высокое“ покровительство помещика от угнетения правительственными чиновниками.

„Переход этот выражает эволюцию в сторону крепостничества, так как отдавшийся под руку помещика крестьянин сразу же теряет всякую не только политическую, но и экономическую самостоятельность и превращается в придаток помещичьего хозяйства“ (ук. соч., стр. 51).

На этом «переходе» мы несколько задержимся и для выяснения вопроса обратимся к источнику тов. Рейснера к статье тов. Монича. Тов. Монич также отмечает, что в Сев. Афганистане „помещик в чистом виде редок. Преобладает смешанный тип: купец, земледелец или чиновник — он же помещик, а иногда вместе с тем и купец. Концентрация земельной собственности в руках горожан представляет существенную черту афганской экономики“ („Нов. Восток“ № 16—17, стр. 321). Что касается крестьянства, то тов. Монич делит его на два основных типа. Вы, может быть, подумаете, что по классовому

признаку? Ничего подобного. Различаются два основных типа крестьян в афганском Туркестане: безземельные или малоземельные крестьяне—чайрикеры (испольщики) и крестьяне, трудящиеся на своей земле („Нов. Восток“ № 16—17, стр. 321).

Относительно испольщины и издольщины у нас дальше будет особый разговор. Здесь же нужно обратить внимание на то, что, хотя по словам тов. Монича в афганском Туркестане земли дешевле, и хотя правительство, „идя навстречу крестьянским нуждам“ (вот какое „доброе“ в Афганистане феодальное правительство!), „объявило распродажу казенных земель на очень льготных условиях с долголетней рассрочкой платежа, равносильной почти бесплатной продаже земли,, тем не менее „крестьянская масса предпочитает уклоняться от приобретения в собственность этих земель“ („Нов. Восток“, стр. 332).

„Особое внимание“ тов. Монич уделяет здесь моменту „политико-бытовому“.

„Крестьянин страшится непосредственного контакта с собирающей налоги администрацией, что является неизбежным, когда он становится собственником земли, главным объектом государственного налогового обложения и... чиновничьих злоупотреблений. Крестьянин предпочитает идти в кабалу к помещику — чайрикерствовать, чтобы только получить возможность заслониться от низового „госаппарата“ устойчивой фигурой своего сеньора помещика“ („Нов. Восток“, стр. 323).

По тов. Моничу помещик выступает как некий крестьянский благодетель. „Помещик, в большинстве являющийся одновременно или купцом или чиновником, пуская в ход механизм своих связей с администрацией, способен добиться путем сокращения части площади и других комбинаций значительного сокращения даже законно причитающегося с него в казну платежа“ („Нов. Восток“, стр. 323).

Тов. Монич захлебывается от восторга, сообщая, что в „итоге, помещики, администрация и крестьяне-чайрикеры чувствуют себя как бы удовлетворенными. Страдает, конечно, казенный сундук“ („Нов. Восток“, стр. 323).

Тов. Рейснер сочувственно цитирует сентенции тов. Монича на тему о том, что, конечно, „помещичья эксплуатация сама по себе большое зло, но в архаических афганских условиях она кажется чуть ли не благом по сравнению с внеэкономическими“, мягко выражаясь, „методами обогащения чиновников“. („Нов. Восток“, стр. 325 и Рейснер, ук. соч., стр. 50).

И „доброе“ афганское правительство не забывает т. Монич. Он говорит: „Кошмарное положение таджиков в восточной части Гиндукуша, горного Бадахшана и Шугнана объясняется отнюдь не политикой угнетения афганского правительства по отношению к национальным меньшинствам — последнее в действительности твердо держит курс на национальное

поравнение, — а отсутствием там феодально-помещичьих сдержек, обычно смягчающих (опять-таки в интересах помещичьего класса) варварское обращение чиновников с крестьянами („Нов. Восток“, стр. 324).

Тов. Мониц „иллюстрирует“ это свое положение примером из гражданской войны летом 1924 г. в Афганистане, когда мятежной стороной оказались афганские племена, а помощь правительству оказали наименьшинства („Нов. Восток“, стр. 327). Но ведь это доказывает как-раз обратное, а именно, прямое натравливание одной народности на другую, использование одной национальности против другой в интересах феодалов. Нечего сказать, хороший „курс“ на „национальное поравнение“!

И тов. Рейснер мимоходом заявляет, что „падишах Аманулла в значительной мере смягчил моменты национального угнетения узбеков и таджиков афганцами“ (Рейснер, ук. соч., стр. 51).

Здесь можно подвести известные итоги высказываниям тт. Моница и Рейснера. Эти высказывания являются право-оппортунистическими, являются об'ективно апологетикой помещичье-феодалного хозяйства. Эти высказывания противопоставляют один вид феодально-империалистической кабалы и эксплуатации — налоговое бремя — другому виду — издольной и испольной аренде, что в корне противоречит марксистско-ленинской установке.

IV. Издольная и испольная аренда

Первое явление, на которое надо указать, это — процесс захвата земли и водных ресурсов помещиками-феодалами и обезземеливание крестьян. В Каттагане в руках помещиков происходит концентрация земли, достигшая значительных размеров. Этот процесс проявляется также и в форме борьбы отдельных феодальных группировок разных национальностей между собой, в форме поощрения центральным афганским правительством захвата земель в Сев. Афганистане афганскими племенами.

Так, когда Ибрагим-бек перешел на нашу территорию и был разгромлен, афганское правительство начало проводить политику репрессий против локайского племени, та же участь постигла и тех хезарейских феодалов, которые боролись на стороне Ибрагим-бека.

В Чиобском районе имеется много крупных помещиков. Например, Сардар-бай имеет 4 участка земли, с которых снимает 800 мешков урожая. Файзула-бай имеет 5 участков земли довольно солидных. В этих районах в руках ряда помещиков сконцентрированы земли больших размеров. Эта концентрация происходит как путем насильственного сгона крестьян с земли или скупки крестьянских земель помещиками за долги, так и путем осваивания государственных земель.

В местности Ахташ, которая находится вблизи нашего пограничного района Сарай-Камар, имелся запасный госфонд, предназначенный для переселенцев, нуждавшихся в земле. Земли из этого фонда продавались на 50 процентов дешевле обычной цены, но это имело своим результатом только то, что вся эта земля попала в руки помещиков.

Этот процесс концентрации земельных угодий идет в Афганистане давно и есть следствие проникновения в страну иностранного капитала, развития товарно-денежных отношений, и уродливого развития экономики сельского хозяйства Афганистана. Феодално-империалистический метод эксплуатации в своем развитии сопровождался сильным расширением помещичьих владений. Этот количественный рост крупного помещичьего землевладения одновременно означал и некоторое изменение внутри феодальной системы эксплуатации в смысле еще большего усиления помещичьего гнета, тяготевшего над крестьянством, еще большего усиления паразитарности и гнилостности помещичьего хозяйства.

Если в капиталистических странах капиталистическая эксплуатация шла путем развития производительных сил, то специфические колониальные формы эксплуатации в конечном счете тормозят развитие производительных сил соответственных колоний.

Тезисы VI конгресса Коминтерна по колониальному вопросу подчеркивают, что сельское хозяйство колоний, хотя и вынуждено в значительной своей части работать для экспорта, но этим крестьянское хозяйство отнюдь не освобождается от угнетающих его докапиталистических пут. Переход крестьянской земли к помещику, купцу, ростовщику является следствием главным образом увековечения империализмом всех докапиталистических форм эксплуатации, которые являются основой существования реакционных союзников империализма — феодалов, купцов, ростовщиков.

Афганистан, как и прочие колониальные и полуколониальные страны, — земледельческая страна. Здесь особое значение приобретают те хищнические формы эксплуатации крестьянства, которые применяют империализм и его союзники — класс землевладельцев и торгово-ростовщический капитал. Попрежнему на крестьянстве лежит тяжесть прежних феодальных форм эксплуатации и кабалы, порою несколько „модернизованных“, но ничуть не облегченных. Что касается Каттагана и Бадахшана, то здесь в большинстве случаев мы не видим даже и этой „модернизации“ — хотя бы в виде известного денежного выражения докапиталистических форм эксплуатации и кабалы. В Афганистане на примере Каттагано-Бадахшана можно еще раз убедиться, что крупное землевладение в колониях и полуколониях

почти не связано с крупным земледелием, а служит лишь для выжимания из крестьянства арендной платы, для еще большего закабаления и эксплуатации.

Для иллюстрации этого положения разберем существующие в Каттагано-Бадахшане виды аренды. Здесь, несмотря на внешнее многообразие арендных форм, можно сделать кое-какие обобщения.

1) Можно установить, что в основном преобладает аренда краткосрочная. В Каттагане, например, арендные условия различны, но в среднем продолжительность договоров от 1 до 5 лет.

2) Формы аренды в основном сводятся к испольщине (нисфакар) и издольщине (разные вариации шеш-ек-кар, пандж-ек-кар, нох-ек-кар, шеш-пандж-кар и т. д. и т. п.) и переходной форме от издольщины к испольщине в виде аренды се-ек-кар.

Нужно сказать, что преобладает издольщина. Эта форма наиболее соответствует грабительскому характеру помещичьего феодального землевладения. Крестьянство зачастую лишено средств производства, скота, земли и эксплуатируется до последней степени, так что из всего урожая у крестьянина остается минимальное количество продуктов, ровно столько, чтобы он мог протянуть, перманентно голодая, до следующей жатвы. Здесь уже достигнута грань, где стираются отличительные признаки крестьянина и совершается превращение в безземельного паупера и полуфеодального батрака. При издольщине экспроприация крестьянина помещиком доходит до последней степени. Из издольных форм наиболее распространена аренда шеш-ек-кари. Она сводится к тому, что на землях, сдаваемых в аренду землевладельцами, крестьянину-арендатору предоставляются также семена, средства производства, жилое помещение, одежда и пища (в рабочее время), а также 50 рупий авансом на необходимые расходы. Налог платит сам помещик, который во время уборки урожая иногда нанимает рабочих. Крестьянин-арендатор получает за свой труд одну шестую урожая. Здесь уже достигнута грань пауперизации. Кроме того имеется арендная форма пандж-ек-кари, менее практикуемая, которая сводится к тому, что помещик дает арендатору землю, скот, сельскохозяйственные орудия и также платит за него налог, семена для посева приносит с собой арендатор, который получает за труд одну пятую урожая.

Некоторые помещики практикуют также сдачу в аренду земли крестьянам на условиях получения одной четверти урожая в случае, если арендатор имеет свои семена, рабочий скот и т. д. Но бывают случаи, что и при описанных выше условиях арендатор получает одну четверть урожая, а остальное помещик.

В рисовых районах Каттагана—Ханабаде, Талихане—семена у крестьянина бывают свои, а рабочий скот и средства производства помещика, который уплачивает также налог. Арендная плата устанавливается в размере шести седьмых. В этом районе наблюдается высокий процент безземельных. Характерна дешевизна земли (один джериб от 25 до 100 рупий, а в городе до 1000 рупий) при наличии долгосрочного кредита казны в случае покупки земли, но крестьяне земли не покупают.

Один дехканин работал в районе Янги-Калаа пастухом. В кишлаке, где он жил, имелись байские хозяйства, из коих 3 имело 300 коров, один бай имел 2 коша земли, а 2 остальные по 3 коша. Эти земли они сдавали в аренду при условии получения одной пятой урожая. Мы видим здесь, что и кулаки являются такими же паразитами, как и помещики.

Если возьмем соседние с Каттагано-Бадахшаном области, то, например, в районе Хаш-динара распространена разновидность формы шеш-ек-кари, которая заключается в том, что помещик дает землю, скот, средства производства, платит налог, дает жилище, одежду и питание, а также 40 рупий авансом. За это дехканин получает одну шестую урожая. На этих условиях в районе Хаш-динара работают преимущественно хезарейцы. Кроме того в этом же районе распространена форма нох-ек-кари. Ее сущность заключается в том, что она варьирует условия предыдущей формы в смысле увеличения денежного аванса с 40 до 80 рупий. При этом арендатор получает одну девятую урожая. Здесь характерна одновременная ростовщическая деятельность помещиков, закабаляющих крестьян также и денежными авансами.

В горном районе Эльбурс (к югу от Хаш-динара) на богарных землях более распространены формы: 1) Шеш-пандж-кари, которая наблюдается на богарных землях высшего разряда (Земине-аля), при этом землевладелец дает только землю и сам платит налог, все остальное должен иметь дехканин, который платит помещику одну шестую урожая. 2) Дех-нух-кари, которая заключается в том, что при одинаковых условиях с предыдущей формой она практикуется, главным образом, на землях низшего разряда, менее рентабельных, при этом арендатор уплачивает помещику одну десятую урожая. Приведем описание типичного помещичьего хозяйства, ведущегося на основе издольщины. В хозяйстве имеется 600 джерибов земли вблизи Кундуза. Из них 70 джерибов заняты садом. Имеющийся в саду виноградник приносит урожай в 15 кабульских харваров кишмиша, примерно на сумму 12 000 рупий в год. За садом наблюдают один садовник и один рабочий, нанимаемые на 9 месяцев, кроме того во время уборки нанимаются сезонные рабочие. Садовник получает 300 рупий, 1 харвар пшеницы и 1 харвар ячменя. Рабочий получает за 9 месяцев

1 харвар пшеницы, 1 харвар кукурузы, денежной оплаты нет. Пахотная земля сдается в аренду безземельным и мало-земельным дехканам. Средства производства являются собственностью крестьян, которые получают одну треть урожая. Засевается пшеница, ячмень, рис, кукуруза, огородные культуры, хлопок. Налог достигает размера в 500-550 кабули за 600 деревьев. В данном случае издольная аренда имеет сильное приближение к испольной.

Другое хозяйство находится недалеко от Ханабада. Помещик владеет 80 джерибами поливной земли, которую он использует под культурами риса. В хозяйстве находится 2 постоянных рабочих, из которых 1 получает половину, а другой 2 кабульских рупии в месяц на хозяйских харчах. Большая часть земли сдается в аренду двум хозяйствам при условии уплаты четырех пятых урожая помещику, который дает арендаторам кроме земли и средства производства. Земля в налоговом отношении делится на 3 категории: 1 категория обложена пятью кабули за джериб, 2-я — тремя кабули и 3-я — двумя.

Что касается Кабульской провинции, то там, если крестьянин работает на помещичьей земле при условии пользования помещичьими семенами, инвентарем и т. д., он получает одну восьмую урожая, а во время посевных и уборочных работ хозяин дает ему и питание. Право дехканина получать свою долю урожая касается только хлебных культур, с огорода дехканин может получать только одну восьмую урожая. В случае, если семена, живой и мертвый инвентарь являются собственностью дехканина, то урожай делится пополам. Во всех остальных случаях, кроме последнего, налог уплачивается помещиком.

Как мы уже указывали, переходной формой к испольщине является также значительно распространенная форма се-екари, при которой помещик дает землю и воду (вода здесь выступает как добавочный источник эксплуатации), сам платит налог, а арендатор должен иметь скот, с.-х. орудия и семена. Урожай делится на три части, из которых две трети берет помещик (Хашдинарский район).

Приведем описание помещичьего хозяйства, ведущегося на основе испольщины. Хозяйство включает 100 джерибов земли, разбитой на отдельные участки, в районе Мазари-шерифа. 40 джерибов заняты под садом. В 1929 году земля не засеивалась. Первый участок, состоящий из 360 джерибов, обрабатывается путем найма рабочей силы. Три клена засеиваются поочередно. На 120 джерибах засеиваются 16 бухарских сиров пшеницы и 6 бухарских сиров ячменя, всего 22 бухарских сира (что равняется 16 мазарским и 32 кабульским). В хозяйстве имеются 5 постоянных рабочих, из которых два работают на 4 волах, два наблюдают за орошением и один

сторожит. Остальные земли сдаются в аренду, причем помещик дает семена, а остальное приносит с собою арендатор. Урожай делится пополам.

Что касается исполщины вообще, то она сводится к тому, что землевладелец, если он обладает достаточным количеством земли, разбивает свою землю на мелкие участки, сдавая их в аренду отдельным крестьянам или группе крестьян (косвенное указание на могущую быть кулацкую суб-аренду). Землевладелец предоставляет крестьянам семена для посева и сам платит за своих арендаторов налог. Крестьяне-арендаторы должны иметь свой скот и инвентарь. Уборка урожая производится за счет помещика. Урожай делится пополам между помещиком и арендатором.

Имеются и такие помещичьи хозяйства, владельцы которых предпочитают обрабатывать землю сами, не сдавая ее в аренду. Таких поместий чрезвычайно мало, и эксплуатация батрацкого труда в этих поместьях носит исключительно кабальный характер. Одно такое хозяйство в районе Балха включает 600 джеривов поливной и до 3000 богарной земли. На этой земле помещик ведет собственное хозяйство и имеет 800 постоянных рабочих, кроме сезонников и поденщиков. Засеваются пшеница, ячмень, кунжут, хлопок, кроме того имеется огород. Наиболее выгодной культурой помещик считает хлопок, кроме того он разводит каракулевых овец.

Другой помещик имеет хозяйство в районе Ташкургона. Хозяйство состоит из дома, сада в 10 джеривов и 360 джеривов поливной земли. Сад помещик обрабатывает при помощи наемных рабочих, которых имеется 3 человека, 2 работают за плату в 300 кабули в год, а 3-й получает 200 кабули, 2 халата, 2 чалмы, двое штанов и рубашек, пару пайзар и на питание 48 кабульских сиров пшеницы. Налог на сад — 120 кабули с джерива. Чистый доход достигает суммы в 2000 рупий. Полевое хозяйство помещик ведет сам. Из 360 джеривов ежегодно засеивается одна треть, т. е. 120 джеривов, так как не хватает воды для искусственного орошения. Помещик имеет постоянных и сезонных рабочих. Постоянных рабочих у него 5 человек, которым он уплачивает одну пятую урожая со всех культур, кроме хлопка, с которого он дает четверть урожая. Кроме того они получают по 16 сиров пшеницы для своих надобностей, 20 рупий на семена и ежемесячно 2 кабульских сира пшеницы на питание. Сезонные рабочие в числе 10 чел. работают за одну десятую урожая на хозяйских харчах. Посевная площадь используется следующим образом:

под просо и лен	10 джеривов
„ пшеницу	50 „
„ ячмень	30 „
„ хлопок	20 „
„ огородные культуры	10 „

Урожай достигает размера: по пшенице сам-8, и по ячменю то же самое, по хлопку 10—8 мешков с одного мешка. Общий урожай хлеба достигает 600—700 мешков, из которых часть идет на оплату рабочих.

При этом средняя цена мана пшеницы достигает 10—15 руп. Налог помещик платит только за засеваемую площадь, т. е. за 120 джерибов, и он обходится в 800 кабульских рупий.

Нередки случаи, когда помещик и кулак в то же время и торговец, но это нисколько не обозначает, что способ производства от этого „совместительства“ меняется. В районе Ханабада один кулак имеет 100 джерибов земли, 10 быков, 6 коров, 6 лошадей и кроме того является торговцем. Он привозит из Кабула мануфактуру и продает по двойной цене. Кроме того он торгует чаем, шелковыми чалмами (очевидно контрабандист). Этот кулак-торговец вывозит из Ханабада в Кутал и Пешевар каракуль. Кроме того он спекулирует золотом, баранами и т. д. В его доме работают постоянно 2 рабочих, а во время сезонных работ до 4 сезонников. Этот бай имеет ручной текстильный станок, а также занимается выделкой деревянных сох и бус для базара. Из 100 хозяйств в указанном кишлаке подобных этому имеется 15 хозяйств.

В лице этого бая кулак совмещает также и функции торговца-хищника и первичного предпринимателя, ведущего свое кустарное производство на исключительно кабальной основе.

Что касается ростовщических функций помещика, то не говоря уже о системе авансов, окончательно закабаляющих крестьянина, помещик выступает и как прямой ростовщик, давая в долг деньги или товары. Например, в районе Каттагана бай скупают землю крестьян за долги, по которым выплачивается от 100 до 200 и 300 процентов. Ссуды выдаются не деньгами, а различными товарами на срок от 6 месяцев до 1 года.

Если охарактеризовать издольную форму аренды в Каттагано-Бадахшане, то можно сделать заключение, что эта форма несколько отлична от той формы издольного хозяйства, которую дал Маркс.

„Система издольного хозяйства есть переход от первоначальной формы аренды—отрабочточной, продуктовой и денежной (просто превращенной формы ренты продуктами) к капиталистической ренте.

В издольном хозяйстве возделыватель (арендатор) кроме труда—собственного или чужого—доставляет часть капитала для ведения хозяйства, а земельный собственник кроме земли—остальную часть этого капитала, например, скот и продукт делится в определенных, различных для разных стран, пропорциях между фермером и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования, с другой стороны,

та доля, которую получает здесь земельный собственник, не есть чистая форма ренты. В действительности в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может в действительности также и поглотить весь прибавочный труд арендатора и оставить ему большую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, фермеру, применяет ли он только собственный или же чужой труд, приходится представлять притязание на известную часть продукта не потому, что он рабочий, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник представляет на свою долю притязание, основываясь не исключительно на своей собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал".

Анализ издольщины в условиях полуколониальной страны на примере Каттагано-Бадахшана показывает нам, что те издольные отношения, которые были свойственны капиталистическим странам в период перехода к капиталистической земельной ренте, несколько отличны от того, что мы видим на востоке.

Характерной чертой издольных отношений в колониальных странах является то, что здесь в значительной степени преобладают свойственные феодальному способу производства отношения внеэкономического принуждения, отношения господства и подчинения, при этом "тот капитал", которым располагает издольщик, в большинстве совершенно незначителен, и в ряде случаев издольщик стоит уже на грани превращения в безземельного батрака-паупера, а сами издольные отношения имеют исключительно кабальный и эксплуататорский характер.

V. Расслоение крестьянства

В Афганистане аграрные отношения имеют то общее, что везде основные широкие крестьянские массы находятся в ужасно бедственном положении. В настоящее время главная фигура в каттагано-бадахшанской деревне это беднота, почти безземельные крестьяне, которые нередко терпят голод. Оросительная система так же, как и основная масса земли, находится в руках у паразитарного господствующего класса, что не дает развиваться производительным силам. Процесс классовой дифференциации в Афганистане задерживается преобладанием феодальных пережитков. Но товарно-денежные отношения там до известной степени развиваются, в силу чего и происходит специфическая колониальная форма дифференциации крестьянства. Крестьянство в Каттагане уже не пред-

ставляет однородной массы. Там мы можем наблюдать, с одной стороны, эксплуататорские элементы, которые путем ростовщичества, торговли, использования наемного труда, сдачи земли в суб-аренду, сдачи скота и с.-х. орудий эксплуатируют и батрацкий труд и крестьянскую бедноту, а с другой стороны, мы видим, как выделяются большие массы пауперизированного, разоряющегося крестьянства.

Вот данные о размерах хозяйств трех видов, — хозяйства кулацкого, середняцкого и бедняцкого.

Данные о распределении скота, запасов зерна и деления по категориям налогоплательщиков по 3 кишлакам афганского берега Пянджа.

Название кишлака и фамилия хозяина	Кол. членов семьи	Запас зер- на в амбарах	Лошадей	Ослов	Рог. скота	Овец и коз	Всего скота	Налог в ру- пиях
---------------------------------------	----------------------	----------------------------	---------	-------	------------	------------	-------------	---------------------

КИШЛАК АРАХТ

Всего по кишлаку. . .	147	515	13	6	125	790	934	347
в том числе:								
хоз. Мирзо-шо. . .	13	30	2	—	15	20	87	20
„ Курбан-шо. . .	6	45	1	1	9	70	126	30
„ Али-Мардан. . .	4	—	—	1	4	20	25	5
„ Кара-мали-шо. .	7	20	—	—	7	60	67	15

КИШЛАК АРНЕВ

По кишлаку.	47	140	8	2	52	235	297	122
в том числе:								
хоз. Лето-фат. . . .	13	30	2	1	12	80	95	30
„ Шо-Яман.	7	20	1	1	4	25	31	15
„ Гуль-Хаджа. . . .	3	10	—	—	2	10	12	5

КИШЛАК ПТОУ

По кишлаку.	41	150	3	4	42	279	127	127
в том числе:								
хоз. Усто-дак.	13	35	1	1	4	70	75	40
„ Одина.	5	25	1	—	4	30	35	10
„ Мамед-Таваколь. .	5	10	—	1	4	20	25	5
Всего по 8 кишла- кам.	446	1539	44	19	399	2290	2752	1212

Примечание: Амбань равен 12 сари кабули (около 5 пудов).

Эти данные имеют количественный характер. У нас не было точных данных относительно пропорционального соотношения земли, находящейся в собственности и арендуемой кулацкими хозяйствами, и земли, принадлежащей остальным социальным

группам каттагано-бадахшанской деревни. Тем не менее из этих данных можно сделать кое-какие выводы в отношении количественных показателей. При сравнении этих данных с положением в Меймене оказывается, что там у середняка в среднем имеется 20—30 джеривов земли (6 джеривов равны 1,1 *а*), у бедняка 10 джеривов, у кулака 50—60 джеривов богары. Безземельные и малоземельные уходят на заработки в Закаспий. Не имея точных данных о земельных наделах, трудно судить из-за паразитарного характера кулацкого хозяйства о степени расслоения на основании сведений о наличии скота, но кое-что и это дает. Прежде всего это говорит о колоссальном обнищании основных масс крестьянства.

Например, в кишлаке Хазрети-Бустон в районе Янги-Калаа имеется 40 хозяйств, большинство из них бедняки; середняком считается тот, у кого имеется одна лошадь или корова.

Поэтому и здесь известные выводы можно сделать, имея в виду, что обладатель одной пары быков уже считается зажиточным человеком. Вот данные по некоторым районам Каттаганской провинции. В Бишкентском районе на 130 кишлаков с общим количеством в 4718 дворов насчитывается хозяйств:

с двумя быками	570
с одним быком	1256

Остается 1826 хозяйств, из коих большинство, очевидно, не имеет рабочего скота.

В Чиобском районе имеется 50 кишлаков с общим числом 2076 хозяйств.

Из них

с двумя рабочими быками	96
с одним „ „	621

Остается 1455 хозяйств, из которых большинство опять-таки не имеет скота.

Данные по посевам клевера, по фруктовым садам и наличию промышленных предприятий имеются следующие:

Название района	Посевы клевера (джеривов)	Сады	Предприятия	
Чиоб	201	19 727 д.	85 мельн.	305 маслоб.
Янги-Калаа	29	7 927 „	27 „	4 маслоб.
Урта-Тугай	12	3 526 „	26 „	2 крупор. 24 маслоб.

Здесь уже известные зачатки выделения предприятий, чрезвычайно мелких, работающих на основе исключительно кабальной эксплуатации труда.

Приведем данные по двум кишлакам, взятые на выборку.

Кишлак Кулани-Шахар насчитывает 25 дворов, в том числе: хозяйств, имеющих по два рабочих быка, нет; хозяйство с одним рабочим быком на весь кишлак одно. Всего в кишлаке одна лошадь, баранов и коз нет, ишаков и коров 29, под клевер засеяно 5 джерибов, фруктовых деревьев и других насаждений 115 штук и никаких предприятий нет.

В другом кишлаке Казан-кала-Таджик насчитывается 53 двора, из них владеют двумя рабочими быками два хозяйства, одним рабочим быком 21 хозяйство. Всего в кишлаке 45 лошадей, 1605 баранов и коз, 862 коров и ишаков, посевов клевера нет, мельниц нет, маслобоек шесть.

Эти данные говорят об исключительном разорении и обнищании каттагано-бадахшанской деревни.

Вот несколько описаний кулацких хозяйств: в кишлаке Чоудак (пригород Мазари-Шерифа) в качестве кулаков выступают местный мулла и его сын, мелкий торговец. Они владеют 20 джерибами поливной земли и 3 джерибами сада. Последний сдается в аренду за 250 рупий в год. Земля же используется преимущественно под пшеницу, ячмень, клевер, огородные культуры и хлопок. Севооборот трехпольный, причем чередование происходит следующим образом: пшеница, ячмень, пар. Для обработки земли хозяйство нанимает работников, которые за свой труд получают 240 кабульских рупий в год при хозяйской квартире и харчах и при своей одежде.

Вот одна сторона, один социальный полюс, на котором концентрируются немногочисленные эксплуататорские элементы, выделяющиеся из среды крестьянства. Возьмем теперь другой полюс, на котором концентрируется пауперизованное, разоряющееся большинство крестьянства. Вот описание типичного батрацкого, безземельного хозяйства из того же кишлака Чоудак. Хозяин—батрак, 54 лет, имеет 3 детей (неработоспособных), имеет $1\frac{1}{2}$ джериба земли под домом и садом, в котором имеется два фисташковых дерева и 8 виноградных лоз. 18 лет этот батрак служит у купца Азизуллы. Работа заключается в уборке двора, работе на кухне, прислуживании хозяину на базаре. На свое хозяйство этот батрак может работать лишь урывками. Он получает 200 кабульских рупий в год на своих харчах, два халата готовых, одну чалму матовую, две рубашки, две пары штанов и пару сапог.

Здесь мы подходим к вопросу об образовании с.-х. пролетариата из пауперизующегося экспроприированного феодалами и кулаками крестьянства. Вот данные о положении батраков.

В Каттаганской провинции имеется поденщина и натуральная и денежная. Денежная форма поденщины наблюдается там, где более развиты товарно-денежные отношения. В летнее

время помещик платит примерно две тенги, а зимой до одного крана в день. В других местах провинции при натуральной оплате поденщины батраки получают пищу и одежду от хозяина. Плата от 5 пудов зерна и нескольких рупий до 20 пудов и нескольких рупий.

Вот данные об оплате батраков в Гератском районе. Батраки получают пищу и одежду от хозяина, плата от 5 пудов зерна и нескольких рупий до 20 пудов и нескольких рупий. Иногда без зерна деньгами до 30 рупий. В районе Меймене батраки получают в год 100—120 рупий плюс харчи.

Приведем некоторые данные относительно положения трудящихся эмигрантов из бывшего бухарского эмирства. Турсагатов Фаиз работал с семьей (8 чел.) у бая, получая 6 баранов в год. У другого бая работал за харчи со всей семьей в течение 5 лет.

Вот что говорят нам те данные о расслоении крестьянства Каттагано-Бадахшана, которые у нас имеются. Одной из существенных форм докапиталистической эксплуатации и кабалы является также и налоговая система. При Аманулле-хане была сделана попытка „модернизации“ этой системы, сводившейся к замене натурального налога денежным, что отнюдь не освобождало крестьянство от гнета докапиталистических форм кабалы и эксплуатации, а лишь придавало им денежное выражение. Попытаемся вкратце проследить изменения налоговой системы в Каттагано-Бадахшане за последние годы.

У нас имеются довольно разносторонние материалы по вопросу о налогах в Афганистане в период Амануллы, Баче-Сакао и Надир-хана. Если мы возьмем, скажем, одно помещичье хозяйство, то данные о нем указывают, что в это время за 27 джерибов богарного посева, которыми располагал помещик, он платил 15 рупий налога, а с каждого джериба поливной земли 4 рупии кабули. В период Баче-Сакао этот помещик налога не платил, так как окрестные жители уходили в горы. При Надир-хане была установлена прежняя налоговая такса периода Амануллы — по 5 рупий за 8 сиров и еще 2 рупии сборщику.

Зякет в период Амануллы взимался в следующей сумме: 1 овца — 15 пайса ($\frac{1}{4}$ рупии), 1 корова — 1 рупия, 1 ишак — 1 рупия, пара волов — 2 рупии, 1 лошадь — 2 рупии, верблюды — 5 рупий.

В период Баче-Сакао зякет собирался по расценке Амануллы. Сарханэ — подворный налог при Хабибулле (Баче-Сакао) собирался по-разному — по 8—10—15 рупий. Кроме того при Аманулле в районе Ханабада собирался дополнительный налог на дорогу Гайбак — Рабатан. Налог можно было уплачивать натурой, отрабатывая его, причем один день работы засчитывался за одну рупию. Дорога до сих пор не построена.

Если мы возьмем отдельно Янгикалинский район, то там в период Амануллы собирались следующие налоги: 1) Турук-пуль — корова 1 рупия, лошадь — 3 рупии, ишак — 1 рупия; 2) Кош-пули — с пары быков 12 рупий; 3) Зякет — с одного барана 15 пайса или с 4 баранов — 1 рупия, с верблюдов 4 рупии с головы; 4) Сарханэ — подворный налог — 12 рупий, с семейства; 5) Харадж — одна седьмая урожая¹.

При Баче-Сакао мы наблюдаем некоторое изменение. Было установлено персональное обложение купцов и состоятельных лиц. После переворота Баче-Сакао почти везде, в северных провинциях было объявлено населению о прекращении взимания налогов, отмене налоговых норм Амануллы, оставлении одних шариатских сборов. Такое положение было до лета 1929 года, когда начались опять сборы, но не в прежних размерах, неофициально, безалаберно. Средние нормы были примерно следующие: один танап земли — $2\frac{1}{2}$ рупии, голова рабочего скота — 1 рупия, 100 баранов — 25 рупий, лошадь — 2 рупии, ишак — 1 рупия, верблюд — 4-5 рупий, подворный налог — 5-10 рупий, местный сбор — 2 рупии. В общем необходимо отметить, суммируя различные данные о сборе налогов в период Баче-Сакао, обещавшего отменить налоги, что эти обещания не были выполнены.

В период Надир-хана налоги были установлены следующие (район Герата): 10 пудов пшеницы — 3 рупии, 10 пудов ячменя — 2 рупии, голова рогатого скота — 1 рупия, 2 барана — 1 кран, 1 ишак — 1 кран, 4 козы — 1 кран, подворный налог — 5 рупий. В районе Файзабада налог собирался специальным чиновником, присланным из Кабула по следующей расценке: 1 танап земли — 2 рупии, 2 коровы — 1 рупия, 1 бык — 1 рупия, 10 овец — 1 рупия, подворный налог — 2 рупии. Кое-где налог собирался натурой. Другие данные указывают, что в Каттагане летом 1931 г. вместо денежного налога произошел возврат к натуральному налогу. Было предложено весь хлеб, собранный в порядке налогового обложения (около 20 000 пудов), сосредоточить в районах концентрации войск, и таким образом излишки хлеба в этом районе за указанный период не пошли на рынок.

Приведем в качестве примера порядок сбора налога с местности Ахташ Ханабадского амлякдарства. В указанном районе сбор налогов был возложен на кишлачных арбабов. Последние совместно с секретарем ханабадского амлякдара и с вакилами — представителями от населения — определяют и учитывают ежегодно объекты, подлежащие обложению.

¹ Наемный труд в тот период расценивался так: сезонный сельскохозяйственный рабочий — две рупии в день на хозяйской пище, постоянный же рабочий получал от четверти до одной шестой снятого урожая.

Учетные материалы по налогу находятся у каждого арбаба и амлякдара. Налог взимается ежегодно в зимние месяцы, начиная с декабря, с таким расчетом, чтобы к апрелю следующего года налог был собран. Сбор происходит таким образом: дехканину перед началом сбора налога объявляется сумма, причитающаяся с него, он ее вносит арбабу, каковой дает налогоплательщику расписку и отмечает в учетной книжке. Когда налог собран со всего кишлака, арбаб сдает деньги в Ханабадское казначейство, а также сдает и учетные материалы. Таким образом амлякдар в сборе налога не участвует, но на нем лежит наблюдение за скорейшим и правильным сбором налогов арбабом и сдачей их в казначейство. Такое же наблюдение ведут и вакилы—„представители“ от населения.

Населению по его желанию предоставляется право вносить налог не сразу, а в три срока (через каждый месяц—один взнос). Налог взимался в следующих размерах (1928-1929 гг.): 1) Зякет—с одного барана 15 пайса или с 4 баранов—1 рупия, а с верблюда 4 рупии; 2) Турук-пуль—с коровы одна рупия, с лошади—2 рупии, с ишака—1 рупия; 3) Кош-пули—с пары быков—12 рупий; 4) Сарханэ—подворный налог—покибиточный сбор в размере 10 рупий стали взимать с начала 1928 года, т. е. с того времени, когда генерал-губернатором провинции стал Надир-хан, теперешний падишах Афганистана (до него платилось 8 рупий со двора); 5) Харадж—с одного джериба поливных посевов $4\frac{1}{2}$ рупии, с богарных посевов—10 рупий с каждой пары быков (этот порядок введен всего три года назад. Раньше харадж взимался в размере $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{5}$ урожая в зависимости от культуры); 6) прочие налоги—фруктовые деревья—5 пайса с дерева, налог с виноградика—7 пайса с лозы, деревья в роде тополя, тута, кара-агача и др., а также бахчи и огороды не облагались. Маслобойки—15 рупий, рисоочистилки—10 рупий, мельницы—10 рупий. С ремесленников (кузнецы, сапожники, ткачи и т. д.) налог не взимался. В случае выноса ими своей продукции для продажи на базар они на общих основаниях уплачивали базар-харадж. 7) Налог с торговли—базар-харадж взимается за продажу скота и товаров на базаре в размере 7 пайса с одной рупии стоимости проданного товара или скота. Таможенная пошлина за ввозимый из-за границы товар взимается в размере 6 пайса с каждой рупии стоимости товара. Сбор в размере 9 рупий взимался с каждого лица, имеющего на базаре лавку.

Вакилы (их в Ханабадском амлякдарстве два) получают денежное содержание из казны в размере 2 рупий в день или 60 рупий в месяц. Кишлачные арбабы получают денежное содержание от населения в размере от 2 до 5 рупий с каждого хозяйства, имеющего рабочих быков, причем имеющие двух рабочих быков платят арбабу 2 рупии, а имеющие больше

быков платят в соответственно увеличенной пропорции. Бедняцкое же хозяйство арбабу ничего не платит. Если кишлачные арбабы сами производят сбор налога и сдают его в казначейство, то последнее при приеме от них налога выплачивает им 15 процентов вознаграждения с суммы сданного налога. Укажем в качестве примера на кишлаки Киязы и Мулла-хейль. С этих двух кишлаков, находящихся в районе Ханабада, арбаб ежегодно собирает налог в размере 6000 рупий и при сдаче этого налога получает в качестве вознаграждения 15 процентов, что составляет 900 рупий. Оба эти кишлака насчитывают около 200 хозяйств, из коих 20 хозяйств совершенно неплатежеспособны.

В Бадахшане (Ишкашим) для сбора налогов выделен арбаб из наиболее зажиточной части населения. Если в 1930 году для оплаты налогов была рассрочка до 3 месяцев, то теперь налог уплачивается в течение 1 месяца. Во время составления налоговых списков от арбаба зависит количество объектов обложения по хозяйствам. Арбаб берет большие взятки, скрывая объекты обложения. По грубым подсчетам арбаб берет с каждой кибитки взятку в 10 — 15 рупий. От арбаба зависит как количество, так и время сбора налогов. Предварительный сбор устанавливается в размере 15 процентов с суммы налога натурой. Сбор этот происходит для снабжения местного гарнизона продовольствием и фуражем. Эти порядки сбора налога ясно указывают, что здесь мы имеем дело с проявлением свойственных крепостничеству и его пережиткам моментов личной несвободы, зависимости крестьян от своего эксплуататора. Особенно это видно на примере издольных отношений, когда помещик сам платит налог за крестьянина. Мы видим также об'единение в лице кулака функций сборщика налогов—добавочный источник для закабаления и эксплуатации в тех районах, где еще не успели в достаточной мере развиться отношения издольной аренды, где сохранилось так называемое „свободное“ крестьянство. Вот пример, указывающий на это об'единение в лице кулака также и функций сборщика налогов. В кишлаке Хазрети-Бустон имелся крупный арбаб, владелец одного сада, 10 лошадей, 100 баранов, который выступал как сборщик налогов.

Необходимо отметить политику афганского правительства в отношении поощрения переселения афганских племен в Каттагано-Бадахшан.

Каттагано-Бадахшанская провинция завоевана Афганистаном около 60 лет тому назад. Сейчас происходит большой процесс колонизации края коренными афганцами, в частности из района Кандагара и Кабула. Этот процесс происходит по линии захвата и оседания афганских племен в отдельных районах провинции, а также в виде прямого захвата земли

у коренного населения, которое оставляется в качестве рабочей силы. Афганским племенам делаются поощрения в налоговом отношении. В 1931 году налог с афганского племени акандагари взимался на 50 процентов ниже налога 1930 года (Урта-Тугай). Снижение налога афганским племенам рассматривается, как политическое поощрение афганской части населения, поощрение переселенцев.

VI. Последствия полуколониального положения Афганистана

Таковы те основные, узловые вопросы, по которым мы располагаем известными данными. Что же получается в итоге господства подобной системы феодально-империалистической эксплуатации? Итогом являются деградация сельского хозяйства, рутинность и застой техники, разорение и гибель крестьянских хозяйств. Вот данные о производительности крестьянских хозяйств. В среднем одна дехканская семья обрабатывает 10 джеривов поливной земли. Увеличение количества обрабатываемой земли идет за счет дальнейшего ухудшения качества. Размер посева на 1 джериб около 8 кабульских или 4 мазарских сиров пшеницы. Урожай от сам-10 до сам-20.

Если мы возьмем урожай хлопка, то он на поливных землях на 50 процентов ниже урожая на таких же землях в Советских республиках в Средней Азии. Что же касается качества хлопка, то он иногда стоит выше американского, и его берут с удовольствием. В прошлом году наши скупочные пункты снабжали афганских сдатчиков хлопка бесплатно семенами американского хлопка и хлопка наврочкого.

Необходимо отметить наличие в Каттагано-Бадахшане острого железо-скобяного голода. Все железо, привозимое с нашей территории, моментально раскупается. Из-за отсутствия стали афганцы покупали у нас напильники для переплавки. Были случаи разбивки закупленных у нас борон, из кусков которых выделяли ножи и тому подобные предметы. Востгосторгом в свое время была заказана большая партия железа в Сталинобаде, но доставка железа по выучным путям весьма затруднительна. Железа в Каттагане так мало, что даже железные наконечники у сохи встречаются очень редко. Все это чрезвычайно характерно для выявления уровня развития производительных сил.

В прошлом году в указанных районах господствовал сильный голод. В Пархаре два человека, перешедшие с афганской территории к нам, умерли от последствий голода, перенесенного в Афганистане.

Тем не менее положение жителей Афганистана таково, что, несмотря на запрещение, несмотря на ужаснейшие условия жизни, крестьяне вынуждены отрывать от своих скудных запа-

сбв хлебных продуктов для продажи на рынке. Повидимому этим вызвано утверждение некоторых товарищей о том, что в Афганистане голода не чувствуется и осталась в запасе старая пшеница.

Тяжелые условия существования вынуждают афганское население иммигрировать к нам. Отметим ряд афганских поселений в районе Чубека и т. д. С 1926 года иммиграция особенно усилилась. Земли было много, и можно было свободно приходить и селиться. Усиливается также и отходничество в СССР. Отходники афганцы на собственной практике убеждаются в преимуществе советской социалистической системы перед режимом, созданным империализмом в его колониях и полуколониях.

У нас уже создались постоянные кадры афганских рабочих, которые переходят каждый сезон на нашу территорию, состоят, в профсоюзах, имеют вклады в сберкассах. Все это при уходе в Афганистан на зиму ими прячется, а по возвращении на следующий год опять извлекается, и эти рабочие делаются полноправными членами советской трудовой семьи.

В это время в Афганистане гибнет и деградирует древнейшая ирригационная сеть. Вот данные бывшего секретаря Надир-хана господина Кушкеки, отнюдь не заинтересованного в выявлении отрицательных сторон господства феодального способа производства, феодально-империалистической эксплуатации.

„Судя по некоторым признакам и литературным данным, старая широкая полоса поливных культурных земель Ханабадского района за период его „миров“ заросла и превратилась в дикую поросль, которая в большинстве случаев была непригодна для земледелия“ (стр. 23).

И мы видим, как Афганистан все время бурлит, как все время вздымаются волны крестьянских движений, последним из которых было восстание Баче-Сакао. Последнее воззвание афганского правительства, выпущенное в ответ на листовки, распространяемые сторонниками Амануллы-хана перечисляет эти движения и обвиняет во всем Аманулла, причем Надир-хан пред'являет претензии на „заслуги“ в области „умиротворения“ Афганистана. На самом деле, конечно, дальнейшее господство феодалов, ростовщиков и торговцев в Афганистане, целиком связанное с империализмом, приведет к еще более грандиозным классовым столкновениям, которые сметут всю эту систему эксплуатации и угнетения трудящихся Афганистана, в том числе и Каттагано-Бадахшана, и страна через стадию некапиталистического развития придет к социализму. Революционная борьба в Афганистане означает борьбу с правительством Надир-хана—агента британского империализма (в чем заключается его принципиальное различие с Аманул-

лой-ханом, объективно своей борьбой с империализмом, хотя и непоследовательной, игравшим прогрессивную роль), означает борьбу в первую голову с феодально-ростовщическими отношениями, с помещиками и торгово-ростовщическим капиталом. Борьба с ними будет означать также и борьбу против иностранного империализма.

Г. Ильинский.